

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Яо Ч. Лилун и хутун как прототипы возрастно-дружелюбной улицы: сравнительное архитектурно-культурное исследование // Философия и культура. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.12.76996 EDN: TESUHE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76996

Лилун и хутун как прототипы возрастно-дружелюбной улицы: сравнительное архитектурно-культурное исследование

Яо Чжиюань

ORCID: 0009-0003-3245-201X

аспирант, институт философии; Санкт-Петербургский государственный университет
198504, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Петергоф, Петродворцовый р-н, ул. Халтурина, д. 15 к. 2

✉ yaozhiyuan32@outlook.com

[Статья из рубрики "Диалог культур"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.12.76996

EDN:

TESUHE

Дата направления статьи в редакцию:

28-11-2025

Аннотация: Статья посвящена сравнительному архитектурно-культурному анализу шанхайских лилунов и пекинских хутунов в контексте концепции активного долголетия и формирования городской среды, дружелюбной по отношению к представителям старшего поколения. Цель исследования состоит в выявлении архитектурно-пространственных факторов, которые способствуют инклюзивности городской среды и социальной интеграции пожилых жителей. Объектом исследования являются традиционные жилые кварталы Шанхая и Пекина, представленные типологическими моделями лилун и хутун и рассматриваемые как среда повседневной городской жизни. Предметом исследования выступают пространственные условия и социальные механизмы, обеспечивающие повседневное взаимодействие и участие пожилых людей в жизни этих кварталов, а также микроморфологические характеристики среды, такие как человекосоразмерность застройки, наличие переходных и полупубличных зон, плотная сеть узких улиц и дворов и сочетание жилой застройки с повседневными функциями. Методология исследования включает сравнительный и историко-культурный подходы,

микроморфологический анализ пространственной организации, а также интерпретативное изучение материалов о повседневных практиках. Проведенный анализ показал, что человекосоразмерная застройка, развитая система переходных и полупубличных зон, плотная сеть малых улиц и дворов и смешение жилых и повседневных функций уменьшают риск социальной изоляции пожилых людей, поддерживают их повседневную мобильность и укрепляют чувство принадлежности к месту. Научная новизна работы состоит в междисциплинарной интерпретации лилунов и хутунов как исторически сложившихся прототипов городской среды, благоприятной для представителей старшего поколения, а также в предложении аналитического подхода, объединяющего архитектурно-пространственный анализ, исследования повседневности и философию города для изучения социальной интеграции пожилых горожан. Полученные результаты уточняют роль культурно-пространственных факторов в интеграции старшего поколения в городскую жизнь и подчеркивают необходимость учета этих факторов при проектировании возрастно-дружелюбной городской среды.

Ключевые слова:

возрастно дружелюбная среда, активное долголетие, лилун, хутун, традиционная китайская застройка, Философия города, социальная интеграция, повседневность, пространственная инклюзивность, урбанистическое наследие

В последние годы старение населения стало устойчивой демографической тенденцией, заметно влияющей на развитие городской среды. По мере усиления этой тенденции перед современным градостроительством стоит задача по созданию пространств, благоприятных для активного долголетия. В руководстве ВОЗ по возрастнo-дружелюбным городам (ВОЗ, 2007) такая среда описывается через комплекс из восьми взаимосвязанных областей. Её цель не сводится к социальной поддержке; речь идёт о целенаправленном формировании условий для здоровья, совместной деятельности и безопасности пожилых людей. Следовательно, требуются условия, при которых пожилой человек сохраняет активное и осмысленное присутствие в повседневной жизни города. Включенность в городскую жизнь зависит не столько от физического доступа к объектам, сколько от постоянного взаимодействия с узнаваемыми ритмами, маршрутами, звуками и визуальными образами. Эти элементы поддерживают чувство принадлежности и личной истории. В таком контексте пространственная солидарность не просто социальное понятие [\[1, с. 76\]](#). Это особая форма социально-пространственного бытия пожилого человека, основанная на интерактивности, личной памяти и повседневной рутине.

В поисках решений полезно обратиться к историческому опыту. Особое значение здесь имеют традиционные формы китайской застройки: шанхайские лилуны (里弄) и пекинские хутуны (胡同). Эти уникальные пространства, представлявшие собой лабиринты узких переулков и дворов, исторически были центрами общения и взаимопомощи [\[2, 3\]](#). Они играли ключевую роль в жизни нескольких поколений, создавая тесные соседские общины и естественным образом поддерживая социальную роль пожилых людей.

При этом возникает ряд вопросов: какие архитектурно-пространственные характеристики делают традиционные городские кварталы дружественными к пожилым людям? Возможно ли рассматривать формы китайской застройки, такие как лилуны и хутуны, как примеры среды, способствующей активному долголетию? Какие выводы можно извлечь из их исторического опыта для современного проектирования инклюзивного города?

Лилун (里弄) — это традиционный тип городской застройки, сформировавшийся в Шанхае в период с 1860 по 1949 г. и дословно означающий «соседская аллея» (li — «соседство», long — «аллея»). [\[4, с. 13\]](#). Его появление было прямым следствием исторических событий. После Тайпинского восстания 1860-х годов в Шанхае наблюдался массовый приток беженцев, что создало острый спрос на жилье. В этих условиях предприниматели на территории иностранных концессий начали финансировать строительство первых доходных домов, организованных в целые кварталы [\[5, с. 52\]](#).

В архитектурном отношении ранние лилуны представляли собой особый гибрид. Кирпичная рядовая застройка западного типа была адаптирована к китайскому образу жизни, в частности с учётом принципов фэншуй [\[6\]](#). Ключевым элементом выступал шикунэнь (石库门, «каменные ворота»): этот портал соединял частное пространство дома с полуобщественным пространством общего переулка, обеспечивая плавный переход между ними (рис. 1). Лилуны быстро стали доминирующей формой жилья в Шанхае [\[4\]](#). Их значение было не только архитектурным, но и социальным: эта среда сформировала характерную для Шанхая уличную культуру и практики тесного соседского общения. Со временем лилуны превратились в один из ключевых символов города, сопоставимым по значимости с набережной Вайтань [\[7\]](#).

Рис. 1. Перекрёсток в лилуне Бугаоли (步高里), Шанхай. Фото автора.

Пространственная организация лилуна формировала градацию приватности: от жилых комнат к небольшому внутреннему двору, затем к узкому переулку и, наконец, к широкой улице. Такая структура делала переулочек естественным продолжением дома. Здесь готовили пищу, играли дети, а пожилые жители наблюдали за жизнью, сидя на пороге. Эта среда сформировала особую «культуру переулочка». Более того, лилун изменил традиционное китайское представление о доме (jia) как о родовом гнезде, сдвинув его к западной модели недвижимости, доступной для купли-продажи [\[8, с. 47\]](#). Следовательно, лилуны отражают не только материальную, но и культурную трансформацию, то есть переход от патриархальной традиции к динамичному городскому образу жизни.

Хутун (胡同) — это исторические пекинские переулочки, образованные традиционными усадьбами сыхэюань (四合院), или «четырёхсторонними дворами». В отличие от лилунов, появившихся в колониальную эпоху, хутуны имеют гораздо более древнюю историю. Их планировочная сетка сложилась при династии Юань (XIII–XIV вв.). Слово «хутун», по одной из версий, происходит от монгольского хотон («колодец»): первые поселения возникали вокруг источников воды [\[9, с. 18\]](#).

Традиционный квартал представлял собой сетку малоэтажной застройки. Вдоль узкого переулочка тянулись глухие стены усадеб, а за воротами каждой усадьбы скрывался

внутренний двор, окруженный жилыми флигелями. Живя в таком пространственном окружении, люди постепенно сформировали особый уклад, основанный на жизни во дворе и использовании улицы как продолжения двора. Физическое пространство, сложенное из серого кирпича и черепицы, оказалось неразрывно связано с моделями проживания, передаваемыми из поколения в поколение. В результате такого синтеза хутуны и дворы сыхэюань эволюционировали в хранилища культурной памяти, сохранившие укоренённый образ жизни нескольких поколений (рис. 2).

Рис. 2. Традиционная застройка в пекинском хутуне Чансян-сантьяо (长巷三条). Фото автора.

Несмотря на различие генезиса, лилун и хутун сходны по ключевым пространственным характеристикам. Лилун является продуктом колониальной модернизации. Хутун представляет собой ткань древней имперской столицы. Общие черты определяются тремя параметрами: человеческий масштаб, преобладание соседских связей, насыщенность полупубличными пространствами. Эти характеристики обеспечили основу специфического социального функционирования таких кварталов.

Социальное пространство и образ жизни общины

И в лилуне, и в хутуне социальная жизнь исторически характеризовалась высокой интенсивностью общения и взаимной помощи, во многом вследствие пространственной организации. Узкие переулки и общие дворы ослабляли границы между приватной и публичной сферами. Соседи становились постоянными участниками повседневной жизни друг друга.

В шанхайских лилунах переулочек функционировал как коллективное пространство, своего рода общая гостиная. Повседневная деятельность выносилась за пределы дома: жители готовили еду, играли дети, сновали уличные торговцы. В этом упорядоченном ритме пожилые люди отводилась центральное место. Сидя на скамейках у входа, они становились не просто наблюдателями, а активными участниками социальной жизни: беседовали, присматривали за детьми, обсуждали новости. Их постоянное присутствие в общем пространстве обеспечивало преемственность традиций и поддерживало социальный контроль. По наблюдениям исследователей, именно многие пожилые обитатели шанхайских лилунов до последнего сохраняли «традиционный» уклад жизни переулочка, становясь хранителями соседских ритуалов и памяти места [\[10, с. 19\]](#).

В пекинских хутунах, несмотря на иные исторические условия, сложился схожий социальный феномен. В течение XX века традиционный уклад заметно изменился. Просторные дворы типа сихэюань, ранее принадлежавшие одной семье, превратились в

перенаселенные коммунальные пространства. Приватная сфера резко сократилась, а дворы застраивались дополнительными помещениями, что предельно уплотнило жизнь.

Необходимо отметить, что высокая плотность заселения и бытовые ограничения в хутунах способствовали формированию исключительно крепких социальных связей. Утрата приватности компенсировалась нормами коллективной жизни и взаимопомощи, что привело к формированию феномена «деревни внутри мегаполиса».

Такая среда оказалась особенно благоприятной для пожилых людей. В отличие от современных мегаполисов с их проблемой изоляции, в хутуне старики оставались на виду, пользовались уважением и активно участвовали в жизни двора. Традиционная для китайской культуры ценность почтения к старшим получила здесь своё пространственное воплощение: порог дома и двор становились ареной их социальной роли.

Таким образом, лилун и хутун формировали инклюзивное социальное пространство, где ежедневные ритуалы, утренний поход на рынок и вечерние беседы во дворе, поддерживали сплоченность поколений. Эти городские структуры органично вписывали старость в общий ритм жизни. Пожилые не изолировались, они оставались естественной частью повседневности. Такой социально-культурный климат, по всей видимости, поддерживал активное долголетие, поскольку обеспечивал включенность, умеренную физическую подвижность и психологический комфорт, связанный с принадлежностью к общине. Эти свойства соотносятся с факторами благополучного старения.

Культурная символика и ценность традиционных кварталов

Кроме утилитарной функции, лилуны и хутуны обладали богатой культурной символикой, особенно значимой для пожилых жителей. Вопрос их сохранения или сноса стал не только градостроительной, но и культурно-философской проблемой, затрагивающей ценностные ориентиры современного города. В течение XX века отношение к этим формам застройки эволюционировало: от пренебрежения к постепенному признанию их ценности.

Долгое время шанхайские лилуны ассоциировались с колониальным прошлым и бедностью. После 1949 г., с приходом к власти коммунистов, лилуны вошли в период упадка. Новые власти видели в них напоминание об эпохе «договорных портов» (Treaty Port era), которую стремились предать забвению [\[7, с. 10\]](#). В результате старые кварталы были оставлены без должного ухода и постепенно приходили в негодность.

В этих условиях частное пространство резко сокращалось. Двор становился местом общего пользования: здесь готовили пищу, стирали и выполняли прочие бытовые операции. Чтобы расширить личное пространство, жители сооружали дополнительные кухни, туалеты и кладовые [\[11, с. 70\]](#). Самовольные пристройки и общее ухудшение бытовых условий усиливали представление о ветхости и неблагополучии этих районов. Это становилось основанием для программ массового сноса.

В Пекине наблюдалась схожая тенденция. Официальный дискурс определял хутуны как устаревшую и неэффективную городскую форму, что привело к политике массового сноса: с 1949 г. было уничтожено около 75 % хутунов, чтобы освободить место для современных зданий и широких улиц [\[12, с. 261\]](#).

В оставшихся кварталах ситуация также кардинально менялась. Большинство сыхэюаней были конфискованы государством и перераспределены между несколькими семьями, в результате чего двор, ранее принадлежавший одному роду, превращался в общее

пространство для десятков домохозяйств. Первоначальная структура двора нарушалась, так как каждая семья стремилась организовать свой быт, строя индивидуальные кухни и другие помещения. Это привело к тому, что некогда просторные дворы превращались в так называемые «хаотичные дворы» (*zayuan*, 杂院), а условия жизни в них значительно ухудшались [\[3, с. 87\]](#).

Однако, несмотря на это, исследование показало сильную привязанность жителей к своим районам. Пожилые люди, в частности, предпочитали оставаться в привычной среде, фокусируясь скорее на улучшении общественных услуг, чем на переезде [\[12, с. 264\]](#).

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались новым этапом трансформации. В условиях экономических реформ и строительного бума традиционные кварталы стали стремительно исчезать. К 1980-м годам в Шанхае кварталы лилунов, занимавшие значительные территории в центральной части города, были признаны экономически неэффективными ввиду низкой плотности застройки на фоне растущей стоимости земельных ресурсов. Данный фактор обусловил переход к политике масштабной реновации: историческая застройка подверглась массовому сносу и последующему замещению высотными комплексами, что привело к кардинальной трансформации городского ландшафта. [\[13, с. 139\]](#).

Аналогичные процессы происходили и в Пекине, особенно в преддверии Олимпиады 2008 г. Снос хутунов был обусловлен необходимостью прокладки широких проспектов и строительства новых коммерческих объектов [\[14, с. 54\]](#). Показательным примером является реконструкция квартала Цяньмэнь, где исторические улицы были заменены стилизованным торгово-туристическим районом, что вызвало критику со стороны горожан, считавших новый квартал имитацией, лишенной исторической аутентичности [\[14, с. 53\]](#).

Однако волна сноса спровоцировала и ответную реакцию. Сформировалось общественное движение за сохранение этих городских форм. Власти приняли программы охраны, однако сохранение часто сводилось к «музеефикации».

Проекты, подобные шанхайскому Xintiandi, превращали жилые кварталы в туристические кластеры, что сопровождалось вытеснением коренных жителей [\[10, с. 24\]](#). Это, по существу, поставило сложный вопрос: чьё именно наследие сохраняется — повседневная культура местных сообществ или коммерчески привлекательные декорации?

Особенно остро в этом контексте стоял вопрос о судьбе пожилых жителей. Реконструкция ставила их перед дилеммой: переезд в современную квартиру с удобствами или сохранение привычного уклада жизни в знакомой, но менее комфортной среде. Переезд, даже в лучшие условия, часто означал для них потерю плотной сети соседских связей и, как следствие, социальную изоляцию.

Конфликт между физическим и социальным благополучием стал центральной проблемой модернизации старых кварталов.

Ценность лилуна и хутуна не сводится к бытовым удобствам, она проявляется в социально культурном измерении. Для пожилых людей эти места обеспечивали чувство экзистенциальной стабильности. Пространство становилось продолжением их

идентичности, это явление известно как топофилия, любовь к месту [15]. Переселение нарушало эту связь и могло сопровождаться ощущением утраты и депрессивными переживаниями.

Таким образом, сохранение кварталов стало вопросом не только охраны архитектуры, но и интеграции пожилых людей в новую городскую жизнь при сохранении преемственности поколений.

Активное долголетие и философия пространства старости

Рассмотрев историко культурные аспекты лилуна и хутуна, целесообразно перейти к более общему философскому осмыслению пространства старости и понятия возрастной инклюзивности. Современные концепции, такие как «активное долголетие» (active ageing) от ВОЗ, утверждают, что пожилой человек должен оставаться вовлеченным в жизнь общества [16, с. 12]. Однако реализация этого потенциала невозможна без поддерживающей среды.

В этом контексте становится актуальной идея философа Анри Лефевра о «праве на город», то есть о праве каждого жителя на полноценное участие в жизни городского пространства [17]. Для пожилых людей это означает право стареть без изоляции и оставаться частью городской общины.

Как показал анализ, лилуны и хутуны исторически обеспечивали возможность включения пожилых жителей в повседневные практики: их пространственная организация естественным образом способствовала этому, реализуя тем самым формы неформальной инклюзии.

Важно подчеркнуть, что подлинная инклюзивность пространства определяется не только физической доступностью, но и более тонкими параметрами. Речь идет, во-первых, о создании среды, располагающей к общению (например, полуприватные дворики, где легче завязать разговор, чем на пустой площади), и, во-вторых, о насыщенности пространства смыслами и знакомыми ориентирами, которые создают у жителей чувство принадлежности.

Традиционные китайские кварталы обладали этими качествами в полной мере. Они функционировали как пространства ритуализированной повседневности, где сама среда, благодаря близости соседей и привычным маршрутам, облегчала ежедневные ритуалы.

Ритуальные практики, например, совместное приготовление пельменей к празднику и вечерние партии в шашки, становились значимыми событиями, которые структурировали повседневное время пожилых людей [18]. В контексте старения они приобретали особую важность, поскольку поддерживали чувство сопричастности и снижали ощущение экзистенциальной пустоты. Лилуны и хутуны выступают примерами пространств ритуализированной повседневности, где сама среда облегчает и поощряет такие практики: близость соседей, привычные маршруты от дома до рынка и устоявшиеся места для встреч.

Разумеется, прямое копирование исторических форм в современном мегаполисе невозможно и нецелесообразно. Однако заложенные в структуре лилунов и хутунов принципы человеческого масштаба, пешеходной доступности и поощрения социальных связей находят прямое отражение в современных урбанистических теориях.

Именно поэтому такие концепции, как «новый урбанизм» или «город деревень» (urban

villages), во многом являются переосмыслением тех ценностей, которые были органично присущи традиционным кварталам [\[19\]](#).

Подход находит подтверждение в современных исследованиях. Например, в этнографическом исследовании Мелиссы Рок показано, что современная урбанизация в Пекине (коммодификация пространства, приватизация жилья) вызывает социальное отчуждение, тогда как бывшие жители хутунов высоко ценят человеческий масштаб и социальную активность традиционных кварталов, поддерживаемых соседскими отношениями. [\[20, с. 90\]](#). Её выводы созвучны идеям урбаниста Яна Гейла, который призывает проектировать города «для людей, а не для машин», поощряя уличную жизнь и случайные социальные контакты.

Активное долголетие во многом зависит от того, насколько городская среда позволяет старости оставаться видимой и интегрированной. Как отмечал философ А. Левинтов, одна из ключевых проблем современного общества заключается в маргинализации старости, в ее вытеснении из основного потока жизни [\[21, с. 6\]](#). Традиционные формы совместного проживания противостояли этой тенденции: в хутуне бабушка у ворот являлась естественной частью улицы, в лилуне дедушка на табуретке у стены, такой же элемент пейзажа, как магазинчик или колодец.

Их присутствие нормализовано пространством. Значит, проектируя новые районы, стоит закладывать возможности для такого присутствия: общественные уголки возле домов, полуприватные дворы, где старшие могут сидеть, наблюдать, общаться, малые площади, где соседские активности (ярмарки, праздники, танцы) будут соединять всех жителей.

В Китае реализуются программы «активного двора», в рамках которых на площадках в спальных районах по вечерам собираются пенсионеры для танцев и занятий гимнастикой, что можно понимать как попытку частично возродить утраченные практики дворовой культуры.

Также важен аспект культурной преемственности. Для многих пожилых китайцев лилуны и хутуны являются частью национальной истории и выступают носителями коллективной памяти, формировавшейся, в том числе, через кино и литературу.

В этом смысле сохранение таких пространств является не «музеефикацией», а способом поддержания связи времён, важной для культурной идентичности. Это явление можно описать через философское понятие «дух места» (*genius loci*). Лилуны и хутуны обладают мощным «духом места», который воплощает в себе ценности общинности и человеческого масштаба. Интеграция этого духа в современную городскую философию может обогатить её и стать противовесом обезличиванию урбанизированной среды.

Проведенное сравнение лилунов и хутунов показывает, что архитектурно-пространственная организация напрямую соотносится с социальной активностью и качеством жизни пожилых. Прежде всего, человекообразная морфология, то есть узкие улочки, дворики, близость жилья и общих мест, поддерживает устойчивые соседские связи и повседневные роли старшего поколения. Далее, переходные зоны, например крыльцо, галерея, порог между квартирой и двором, формируют полупубличные пространства, где возможны встречи, наблюдение и взаимная забота. Наконец, мелкомасштабная уличная сеть и смешение функций, жилье и повседневные сервисы рядом, снижают барьеры мобильности и повышают включенность.

Исторически лилун и хутун выполняли функцию возрастно-дружелюбной улицы задолго до появления термина, обеспечивая не только жильем, но и создавая социальный

капитал, чувство принадлежности и уважение к старости.

Для урбанистической философии эти формы напоминают, что город это не только совокупность потоков и функций, но и место общности, дом для всех возрастов. Идея человекосоразмерности в таком понимании не является архаизмом, а постоянная потребность городской жизни: улица, где узнают лицо прохожего; невысокая застройка, не отнимающая небо; двор как площадка совместности.

Выводы

Сравнительный анализ шанхайских лилунов и пекинских хутунов как исторических городских форм дал убедительный материал для понимания того, как городская среда поддерживает жизнь пожилых горожан. Несмотря на различие происхождения и архитектурных решений, обе конфигурации пространства порождали схожие социальные эффекты. Формировались устойчивые соседские связи, пожилые оставались включенными в повседневные практики, поддерживалась привычная активность.

Эти кварталы не были безупречны в морфологическом отношении, однако обеспечивали то, чего часто не хватает современным мегаполисам: чувство общности и устойчивую привязанность к месту.

С культурно философской точки зрения материал лилунов и хутунов помогает осмыслить диалог прошлого и будущего в урбанизме. Ценность наследия видится не в ностальгии, а в возможности выявить принципы среды, ориентированной на человека, человеческий масштаб, связность полупубличных мест и ритмы повседневности.

Учитывая эти уроки без прямого копирования форм, современный город способен укреплять устойчивость и сплоченность и оставаться дружественным к старшему поколению. В этом проявляется живая актуальность наследия лилунов и хутунов для сегодняшней урбанистической философии.

Библиография

1. Киенко Т. С. Пожилые горожане и аудиовизуальная среда города: возраст как фактор солидарности с пространством // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22, № 4. С. 57-87. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.3 EDN: SYRPIO.
2. Zhai Y. Resident-Centered Narrative Mapping for Micro-Morphological Analysis: Case of a Marginalized Lilong Compound in Downtown Shanghai // Land. 2025. Vol. 14, 609. DOI: 10.3390/land14030609 EDN: KIPAVQ.
3. Luo J. 'De-kinning' House, State Discourses and Relatedness in Modern China // Social Anthropology/Anthropologie Sociale. 2023. Vol. 31, No. 3. P. 84-101. DOI: 10.3167/saas.2023.310307.
4. Qian F. Tradition: Connecting the Past and Present-A Case Study of Xintiandi in Shanghai // Asian Culture and History. 2016. Vol. 8, No. 2. P. 10-17.
5. Wang Shaozhou, Chen Zhimin. 里弄建筑. Shanghai: Shanghai Scientific and Technical Literature Publishing House, 1987.
6. Wong P. Chinese Puzzle: Shifting Spatial and Social Patterns in Shanghai Shikumen Architecture // Diversity and Design: Understanding Hidden Consequences / Ed. by B. Tauke, K. Smith, C. Davis. New York: Routledge, 2015. P. 79-99.
7. Bracken G. The Shanghai lilong: A new concept of home in China // The Newsletter (International Institute for Asian Studies). 2020. No. 86 (Summer). P. 10-11.
8. Wallenwein F. From Artist Enclave to Living Urban Heritage: Exploring the Unconventional Path of a 1920s Mixed-use Urban Block in Shanghai // Journal of the European Association

for Chinese Studies. 2023. Vol. 4. P. 45-73.

9. 北京胡同志. T. 1 / Ed. by Duan Bingren. Beijing: Beijing Publishing House, 2007.

10. Arkaraprasertkul N. Traditionalism as a Way of Life: The Sense of Home in a Shanghai Alleyway // Harvard Asia Quarterly. 2013. Vol. 15, Nos. 3/4. P. 15-25.

11. Bhatia N. The Rise of the Private: Shanghai's Transforming Housing Typologies // Mapping Urban Complexity in an Asian Context. Spring 2008. P. 67-76.

12. Zacharias J., Sun Z., Chuang L., Lee F. The hutong urban development model compared with contemporary suburban development in Beijing // Habitat International. 2015. Vol. 49. P. 260-265.

13. Arkaraprasertkul N., Williams M. The Death and Life of Shanghai's Alleyway Houses: Rethinking Community and Historic Preservation // Revista de Cultura. 2015. No. 50. P. 136-149.

14. Shin H. B. Urban conservation and revalorisation of dilapidated historic quarters: The case of Nanluoguxiang in Beijing // Cities. 2010. Vol. 27 (Suppl.). P. 43-54.

15. Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. New York: Columbia University Press, 1990. ISBN 978-0-231-07395-0.

16. World Health Organization. Active Ageing: A Policy Framework. Geneva: WHO, 2002. (WHO/NMH/NPH/02.8).

17. Лефевр А. Право на город. Глава I: Индустриализация и урбанизация / пер. с фр. Д. Савосина // Экономическая социология. 2023. Т. 24, № 1. С. 55-69. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-55-70 EDN: HEYVDX.

18. Certeau M. de. The Practice of Everyday Life / transl. by S. F. Rendall. 3rd ed. Berkeley: University of California Press, 2011.

19. Litman T. A. Urban Village Planning for Community Livability: Guidance for Creating Complete Walkable Neighborhoods to Maximize Health, Wealth and Happiness. Victoria, BC: Victoria Transport Policy Institute, 21 July 2025.

20. Rock M. Y. Interstitial spaces of caring and community: commodification, modernisation and the dislocations of everyday practice within Beijing's hutong neighbourhoods // Chinese Urbanism: Critical Perspectives / Ed. by M. Jayne. Abingdon; New York: Routledge, 2018. С. 86-106.

21. Левинтов А. Философия старости. М.: Издательские решения, 2022.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в статье "Лилун и хутун как прототипы возрастно-дружелюбной улицы: сравнительное архитектурно-культурное исследование" - традиционные китайские городские структуры — лилуны (Шанхай) и хутуны (Пекин) как исторически сложившихся прототипов возрастно-дружелюбной городской среды. Автор рассматривает их как сложные социокультурные и пространственные системы для повседневной жизни пожилых людей с учетом современной концепции активного долголетия.

Методологическая база исследования представляется комплексной и релевантной поставленным задачам. Автор применяет сравнительный анализ для выявления общих и уникальных черт лилунов и хутунов; пространственный (морфологический) анализ для изучения физических параметров среды; социокультурный анализ для раскрытия

взаимосвязи между архитектурной формой и социальными практиками. Синтез методов позволяет получить многомерную и убедительную картину исследования.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. Проблема старения городского населения и адаптации инфраструктуры к потребностям пожилых людей является глобальным вызовом. В условиях интенсивной урбанизации и стандартизации застройки обращение к успешным, проверенным временем историческим моделям представляется крайне своевременным и практико-ориентированным. Работа вносит непосредственный вклад в реализацию принципов «активного долголетия» и создания инклюзивных городов.

Научная новизна работы заключается в принципиально новом ракурсе рассмотрения лилунов и хутунов. Если традиционно они изучались как объекты культурного наследия или памятники архитектуры, данное исследование предлагает взгляд на них как на функциональные урбанистические прототипы. Автор системно вычленяет и аргументирует конкретные архитектурно-планировочные принципы этих структур (смешанное использование, «человеческий» масштаб, гибкость общественно-приватных зон), которые могут быть транслированы в современную проектную практику.

Стиль статьи отличается научным изложением. Терминология корректна, а вводные понятия разъясняются, что делает текст доступным для широкого круга специалистов в области урбанистики, архитектуры и социологии. Структура работы отвечает научным требованиям: введение четко формулирует проблему, основная часть последовательно раскрывает ее через сравнение двух кейсов, заключение содержит весомые и доказательные выводы. Содержание полностью соответствует заявленной теме и задачам, фотографии дополняют представленный материал.

Библиография отражает междисциплинарный характер исследования. В нем присутствуют как фундаментальные труды по теории архитектуры и урбанистики, так и работы, посвященные социальным аспектам старения и культурологии Китая. Это свидетельствует о глубокой проработке автором теоретической базы.

Автор не идеализирует исторические застройки, акцент в статье делается не на механическом копировании, а на адаптивном заимствовании ключевых принципов, что снимает потенциальные упреки в романтизации прошлого. Выводы автора конкретны, практически ориентированы и логично завершают проведенный анализ, формулируя рекомендации для проектировщиков и девелоперов. Статья рекомендуется к изданию в рецензируемом научном журнале.